

ИНЖЕНЕР

ЧАСТЬ 6. Четвертый

Евгений Южин

16+

Евгений Южин
Инженер. Часть 6. Четвертый
Серия «Инженер», книга 6

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67103433

SelfPub; 2022

Аннотация

Люди любознательны, но не у всякого есть возможность удовлетворить жажду познания. Главному герою повезло, он может получить ответы на многие вопросы, за каждый из которых многие расплачивались годами жизни. Но и его ждет плата. Он еще не знает цену, но уже понимает – пора делать выбор. Что главное в жизни? Для чего нужны знания? И что с ними делать?

Содержание

Часть 6. Четвертый	4
1	4
2	40
3	57
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Евгений Южин

Инженер. Часть

6. Четвертый

Часть 6. Четвертый

1

Меня с детства приучали к тому, что я должен делать то, что должен, а не то, что хочу. Не то чтобы это было чем-то необычным – все люди, так или иначе, ограничены в свободе, но, как я сейчас внезапно понял, меня окружили таким количеством обязательств, что право выбора съежилось до узкой щели: куда пойти учиться или какие штаны надеть. Да и здесь, честно говоря, всегда находились рядом близкие, родители или жена, которые лучше знали, какие джинсы уместны в том или ином случае и какой институт лучше подойдет к моей неразвитой личности. Хотя были и более серьезные претенденты на право определять, что я должен делать и как жить дальше. Да, я понимаю, цивилизация – это и есть сложная организация жизни всех ее членов. Хочешь сытно есть и летать по небу – живи по ее правилам. Но осознание степени

несвободы, степени детерминизма, которым я был окружен, постигло меня именно сейчас и именно здесь – в теплом тумане, переходящем в морось, нависшем над небольшой поляной в холмах, пузырящих бесконечный инопланетный лес, окруживший рифт Облачного края. Вот же, черт! У меня была страсть, была мечта – я хотел познать тайны этого мира, куда оказался заброшенным игрою случая, разгадать загадку материи и межзвездных путешествий, а оказался вовлечен в череду приключений, навязанных судьбой и долгом.

Самолет замер, блестя мокрой обшивкой, в самой середине почти круглой прогалины, поросшей невысокими мягкими метелками серого цвета на толстых коротких ножках. Я оправился, разглядывая низкое сплошное одеяло облаков над головой, превратившее яркий день в унылые блеклые сумерки. Если бы мелкие липкие капельки то ли дождя, то ли тумана не были такими теплыми, это напомнило бы мне родную промозглую Москву. Впрочем, достаточно было оторвать взгляд от неба, чтобы быть совершенно уверенным – вокруг меня не то чтобы совсем не Москва, но и, вообще, не Земля. Лес нависал над поляной неестественно высокими черными кронами чужих деревьев, которые к тому же и деревьями-то, между нами говоря, не были.

Торопливо укрывшись от мелкой мороси в тесной будке летающей самоделки, я уселся на полу, свесив ноги в проем двери, подтянул поближе сверток с метателем и задумался. Если мне так не нравятся все теснее смыкающиеся вокруг

меня кольцо обязательства, почему же я следую им? Вот и сейчас я собрался на очередную войну – мстить неведомо кому за очевидное покушение на мое убежище – место на этой планете, где заботливо хранились важные части моего внутреннего мира. Как говорила моя бывшая жена на Земле, комментируя сюжет очередного голливудского блокбастера: «Я мстю, и мстя моя страшна»!

Мне нравилась эта планета. Немного пустая по сравнению с Землей, но очень уютная, маленькая, комфортная. Аборигены – наследники погибшей цивилизации, не знали голода и войн. В целом, сравнивая с землянами, спокойный и доброжелательный народ, предки которого умудрились, правда, и тут набедокурить – что лишь подтверждало их кровное родство обитателям прародины. Вот только порядки, сложившиеся здесь, категорически отказывались меня принимать, несмотря на то что я, никому не желая зла, пытался всего лишь выжить. Ну да, я делал это так, как меня учили – исследовал, познавал и подстраивал окружающее под себя, используя новые знания. Мне казалось, что это совершенно естественное поведение любого человека! К тому же я никогда не строил собственный мирок за счет других! Но и этой малости оказалось достаточно – на меня ополчилась основа основ местного мира, организация, призванная хранить и оберегать его устои – магический орден скелле. Правда, все не так однозначно – часть ордена, например, приветствует меня едва ли не как мессию и готова рисковать своими

жизнями, защищая то, что, как подразумевается, я собираюсь совершить – знать бы только что! При этом, однако, собственная жена боится до ужаса того, что будет. А что будет?! Планета упорно пытается отторгнуть меня, как инородное тело, результатом чего уже стали смерти множества – я боялся считать, людей и скелле.

Да, я здесь чужой! Но в центре погибшей цивилизации древних был один элемент, для которого я подходил, как родной ключ к замку, – храм. Загадочное устройство настоящих инопланетян – не чета местным потомкам земных мигрантов, смысл существования которого и был напрямую связан с такими, как я, – элями. А если учесть, что аборигены, судя по всему, сами попали на эту планету благодаря вмешательству творцов храмов, я считал себя определенным образом вправе. Отстаньте от меня! Я не к вам! Меня пригласили – вот пропуск! Бум слышали?

Болтая ногами и слушая тихо шипящую в тумане обшивку, я думал о том, что не желаю воевать с орденом. Не хочу я, как герой голливудского боевика, бежать по рельсам предсказуемости, чтобы однажды тихо умереть от ножа убийцы – без всякой магии. Тем более что такой опыт уже был однажды, и только вмешательство будущей жены – сильной и умелой скелле, спасло меня тогда. Не желаю я сражаться с лейкоцитами Мау! Я хочу в храм! И я туда попаду. Но и причиной воспаления и смерти местного организма я тоже быть не желаю, хочу быть хитрым незаметным вирусом, обманув-

шим иммунитет. И война со скелле – худший выбор для этого.

Семья – путы еще более прочные, чем общество. Где-то бродит моя красавица, строя планы и интриги, улаживает старые договоренности и создает новые. Я – часть ее жизни, ее проектов и расчетов. Мелкий наследник древнего семейства растет, прикрытый от опасностей внешнего мира репутацией мамы и папы. Если бы не они – сын и жена, я бы исчез, растворился на просторах Мау, чтобы появиться там и тогда, где и когда я буду готов. Пусть бы Орден до поры считал, что беспокойный эль сгинул без следа. Но просто исчезнуть не получится. Скелле должны знать, что если они нарушат договор, то за ответом явится тот самый эль, который однажды уже предъявлял свой счет. Поэтому я должен определенно существовать, но так, чтобы никто не знал, где я и чем занят. Как ядерный подводный ракетоносец – загадочным левиафаном он скользит в глубинах мирового океана, его мало кто видел, но их вполне достаточно, чтобы сдерживать заинтересованные стороны от необдуманных поступков.

Я принял решение, сделал выбор. Моя цель – храм. Конечно, немного болит сердце от того, что я не со своей семьей, что оставил, уехал, но таков долг, который я навязал себе сам! Не думаю, что великие мореплаватели, отправляясь в далекие походы с туманным исходом, все сплошь были одинокими вдовцами без детей и обязательств. Просто в настоящих мужчинах живет эта могучая биологическая тяга к

поиску, к познанию, которая является частью нашей природы, частью нашего устройства.

Крупный туман подобрался, посветлел и окончательно превратился в плотный морозящий дождь. Я забрался в салон и стал возиться с метателем, собирая тяжелую машинку и готовя подвес для нее в широком проеме. Откровенно, в такую погоду я бы предпочел летать с закрытой дверью, но кто знает, что ждет меня рядом с моим убежищем? Придется терпеть мокрое нутро машины и влажные вещи. Возня с неуклюжей лязгающей железкой, местами поблескивающей бронзой, отогнала мысли о планах на будущее. Как всегда, непосредственная опасность вытеснила из головы все мечты и задумки. После примерно получасового копошения все было готово, оставалось проверить работу залежавшегося без дела оружия и расчехлить подзорную трубу.

Я всмотрелся в мокрую серость неба и лужайки, окруженную мрачными стенами темного леса – буро-черного уже от природы, но еще более насупившегося под, кажется, вечным дождем. Лязгнул металл, тяжелый острый болт послушно выскочил из магазина, притянутый планетой, и скользнул, толкаемый возвращающимся досылателем, в подпружиненные лапки, удержавшие его в фокусе кристалла. Отчего-то чаще забилося сердце. Извечный момент истины для любого творца. Считаешь, проектируешь, строишь, но до последнего не уверен, что все будет работать как задумано. Практика – критерий истины! Задержав дыхание и никуда особен-

но не целясь, я плавно, но решительно вжал рычаг привода в приклад. Зажужжал разбуженный маховик с кристаллом, болт шевельнулся, удерживаемый лапками, и внезапно вырвался с резким, почти музыкальным звоном, чтобы полсекунды спустя, мелькнув светлым росчерком, безнадежно исчезнуть в дожде.

Удовлетворенно улыбнувшись, я ласково погладил оружие убийства по кожуху – работает, а значит, пора двигаться дальше.

Привязав метатель, чтобы его не болтало в полете, перебрался на пилотское место и внезапно подумал, таращась на ручейки воды на лобовом остеклении, что я буду делать, если, например, откажет привод самолета? Вокруг дикий лес. Съедобных деревьев, кроме местного аналога бамбука, я не знаю, да и топора, чтобы срубить, если понадобится, такого великана у меня нет. Ориентироваться в однородной серой хмари совершенно невозможно даже здесь, на открытой прогалине, не говоря уже о дремучей тьме под кронами. До ближайших человеческих поселений, по моим оценкам, километров сто. Но их еще найти надо! Вокруг царила мокрая тишина, ветер если и был, то очень слабый. Деревья стояли мертвыми неподвижными великанами, и только бесконечный мелкий дождь опускался с облаков медлительным потоком. Как же мне повезло в тот раз, когда я впервые попал на Мау! Попал там – в Облачном крае, где съедобных растений, кроме орешка, совсем нет, а живность, если и существует, то

ползает по дну глубоких озер. Не наткнись я на людей, моя судьба была бы предрешена.

Передернуло, я стряхнул минутное наваждение и решительно потянул на себя рычаг, вводивший чебурашку вертикальной тяги в фокус настроенного Аной привода. Самолет шевельнулся, скрипнул, легко оторвался, и я облегченно выдохнул – вперед!

Пропустить скалы и обрывы, отделявшие Облачный край от обширной долины Дона, практически невозможно. Поэтому я не особенно волновался о выборе направления. Летим на восток, как увижу стену, пойду вдоль нее на юг – рано или поздно силуэт знакомого утеса сам выпрыгнет на меня. Так и оказалось, хотя из-за дождя и низкой облачности пришлось идти очень низко и, как следствие, очень медленно. Когда, казалось, не торопясь приближаться, знакомая скала затемнела сквозь мелкую морось, я уже начал немного переживать – не проскочил ли южнее.

Верхушка утеса лишь немного не дотягивала до облаков. Мокрые блестящие уступы срывались отвесными стенами в лесное море у подножия. Курились жидким голубоватым дымом остатки крыши моего убежища. Уютная расщелина, приютившая дом и мастерскую, словила, как дупло гнилого зуба ловит пломбу стоматолога, мощный магический заряд. Все, что еще недавно таилось там, дожидаясь хозяина, превратилось в изломанные обгоревшие останки, щедро заливаемые вездесущей влагой. Крыша, по совместительству

служившая мне аэродромом, рухнула и сгорела, раздавленная взрывом. Небольшая площадка, где стоял мой первый самолет, уцелела, чего нельзя было сказать о последнем – несчастная птичка превратилась в суповой набор, разбросанный у подножия скальной стены.

Повиснув над лесом, я рассматривал бывший дом. Со стороны обрыва он производил сильное впечатление, напоминая темный восьмидесятиметровый форштевень гигантского корабля, медленно разрезавшего лесное море в туманных потоках мелкого дождя между ним и нависшим небом. Со стороны плато он, конечно, был намного ниже – вероятно, не более двадцати метров, но и этой высоты мокрой отвесной скалы было более чем достаточно, чтобы без альпинистского снаряжения или самолета никто не мог добраться до расщелины, обращенной на запад. Кто бы ни атаковал его, он сделал это именно оттуда, от края пропасти, наводя свой удар вслепую. Свою незрячесть неведомый противник компенсировал изрядной мощностью. Хотя, почему неведомый? Кто еще, кроме скелле, мог такое сделать? И кто среди них, кроме части истинных сестер, хранил столь упорную и неукротимую злобу не только ко мне, но и ко всему, что как-то меня касалось?

Я осмотрелся через подзорную трубу – носителей искусства видно не было. Мне бы успокоиться и заняться осмотром разрушенного убежища, но, как всегда, перевесило любопытство. Порыться в останках гаснущего пожара всегда

успеется! Интересно взглянуть на тех, кто это сделал. Каюсь, в очередной раз разум уступил гормонам – желание посмотреть на вандалов, осквернивших мое убежище, подпитывалось изрядной толикой раздражения и злости. Вполне разумное желание вести игру по собственным правилам съезжилось и отступило, ошпаренное выплеском тестостерона. От момента, когда я заметил вспышку, прошло часа полтора земного времени. Уйти скелле могли только в сторону прохода, ведущего с плато вниз к небольшому городку Саэмдилу – местному центру торговли и, как водится, контрабанды ценным орешком, произраставшим исключительно по окраине плато. Судя по гаснущему пожару, идут они уже не меньше часа, для меня – пять минут лета.

Асавера ненавидела этот бесконечный дождь, этот забытый богами лесной угол, но еще больше она ненавидела того неизвестного ей эля, из-за которого вынуждена была покинуть уютный и обустроенный солнечный Арракис по приказу старшей сестры. Она никогда не отличалась особой сообразительностью или способностями к медицине, зато с детства демонстрировала изрядную мощь своего дара. Воспитателям стоило немалых трудов защитить от него не только интернат и других девочек, но и саму Асаверу. Все это предопределило ее судьбу – став скелле, она была направлена в особый закрытый пансион, где сестры готовили боевых магов. Уже начав учебу, с запозданием поняла, что если хо-

чет остаться в долине, а не быть отосланной к черту на кулички надзирателем, то у нее остается только один путь – в монашки. Такой выбор поначалу пугал, и какое-то время она сомневалась и тянула, послушно кивая уговорам представленной наставницы, однако, упорно отмалчиваясь, когда последняя пыталась добиться ее согласия. Девушка не была красавицей, росла замкнутой и нелюдимой, любила поесть, первая влюбленность окончилась предсказуемым разочарованием, и, в конце концов, она внешне спокойно сделала выбор, уже через год после поступления в пансион приняв обет. Новый круг общения не принял ее – монашки, вообще, отличались изрядной замкнутостью, но мощь дара помогла легко преодолеть путь, о котором иные мечтали всю жизнь.

– Пойдешь под началом Исиры, – хмуро велела Старшая долгие двадцать дней назад, сидя в залитом солнцем крохотном кабинете, где принимала только узкий круг доверенных сестер. – Что щеришься? Это приказ! Слушай ее, как меня. Больше ничего не скажу. Иди!

Исира! Асавера не любила ее, но понимала, что когда-нибудь занять ее место – ей самой не дано. Начальница над всеми боевыми скелле, принявшими обет, была однокурсницей Старшей по университету и окружала себя такими же университетскими зазнайками, какой была, по мнению Асаверы, и сама. Ладно бы еще они действительно оказались искусными врачевательницами, как многие более талантливые выпускницы, но нет, все их достоинства сводились к силе

подвластного им искусства, которая, между прочим, была не больше, чем у Асаверы. Да какой там?! Пожалуй, она могла бы переплюнуть их всех!

Делать было нечего – приказ есть приказ. И вот уже который день она тратит свое время на бессмысленный поход. Ладно еще пока поднимались вверх по Дону на комфортабельной монастырской барже, останавливаясь время от времени в орденских гостиницах, но после Донудила пришлось вспомнить молодость и проделать огромный путь в горы, то трясясь в медлительной телеге, то двигаясь, вообще, пешком. Асавера довольно хмыкнула – за последние дни она, кажется, немного похудела, о чем давно и безуспешно мечтала. Впрочем, она бы предпочла остаться в Арракисе и воспользоваться услугами сестры, умевшей на время смирять аппетит, а не сбивать отвыкшие ноги о каменистую почву предгорий.

Последней в боевой тройке была любимая ученица Исиры – Ласна. И надо отдать ей должное – она была на своем месте. Тройки формировались по особой схеме, и одним из компонентов была скелле, главным талантом которой должна быть не сила, а умение управляться быстро и аккуратно с тонкими воздействиями – обычно именно она строила схему атаки под руководством старшей в тройке, а такие, как Асавера, наполняли ее мощью. Вела себя Ласна доброжелательно, и Асавера охотно принимала от нее помощь, когда на стоянках ноги гудели так, что было невозможно заснуть.

Исира молчала, как лох, и поведала цель этого похода, только когда они уже вышли из Саэмдила в сопровождении орденских служек – шести крепких молчаливых мужиков, услужливых, но старавшихся держаться подальше от скелле.

Маленький отряд остановился, переводя дух на неширокой площадке, нависшей каменистым выступом над окрестными холмами, на полпути к Облачному краю. Отсюда казалось, что облака опустились так низко, что еще немного, и сестры нырнут прямо в их бледное нутро.

– Про инцидент в Угле слышали? – спросила Исира по-друг по боевой тройке и, дождавшись молчаливых кивков, продолжила. – По нашей информации, эль, который в этом замешан, окопался здесь, над обрывом.

– Как эль?! – немного, как показалось Асавере, испуганно воскликнула Ласна.

– Не переживай! Нет его там! – усмехаясь, ответила Исира. – У него тут что-то вроде базы, тайного убежища. Он там лепит свои артефакты. Надо спалить все вчистую, чтобы неповадно было! Ясно?

Асавера равнодушно пожала плечами – дел-то! Стоило ради этого тащиться в такую даль? Что, местные уже совсем ничего не могут?

Исира это заметила и, не отводя взгляда от Асаверы, продолжила: – Но, где он шляется точно, никто не знает! Поэтому мы и идем полной тройкой, что риск наткнуться на него есть, – она продолжала пристально смотреть на Асаве-

ру, – запомните, если встретим его, то никакой прямой магии! Асавера!

– Чего Асавера? Нет так нет! Только как мы тогда его? – она мотнула головой. – Или его трогать нельзя?

– Можно! – твердо сказала старшая, отчего Ласна сжалась в комочек. – Можно, но по-особому. Объясни, – кивнула она своей любимице.

Ласна заученно затараторила, неподвижно уставившись в пол под ногами:

– Я буду творить сосульку. Только не обычную, а сразу много мелких. Это очень трудно, поэтому старшую я не услышу. Считалку она будет читать для тебя. Ты же зрячая! Как увидишь заготовку, закачивай сразу по счету Исиры. Больше ничего не требуется – направит сосульки она сама, – на секунду она замолчала, подняла глаза на подругу и неожиданно тихо добавила, – от тебя много потребуется!

– И запомните, девочки, никакого прямого воздействия, – вновь заговорила Исира, убедившись, что Ласна больше не скажет ни слова, – это эль! Для него наше искусство и есть источник. Это как пытаться убить быка, закармливая его сеном! Ясно?! Не дай вам боги потратить на него хоть грамм! Про Угол слышали? – Исира уставилась на Асаверу.

Про Угол они слышали. Все-таки не рядовые сестры, а элитное боевое подразделение. Заранее знать врага жизненно необходимо, так что они слышали, хотя сообщить о том, как он там оказался и почему на него напали местные, им не

удосужились. Да и подробности стычки тоже поросли туманом. Известно только, что сообщили о ней уцелевшие сестры, в ней не участвовавшие, – видимо, потому и уцелевшие.

Все их предосторожности и несколько тренировок, которые они провели, пока брели по бесконечному лесу наверху, оказались излишни – эля в его убежище не было. Хорошенько прожарив прятавшуюся за скалой расщелину – от боевых скелле не спрячешься, они быстро собрались и, пока было светло, заторопились к разбитому на подходе лагерю, чтобы укрыться от бесконечной влаги, от которой не спасало даже искусство. Мелкие брызги воды опускались не только сверху, но и, казалось, плыли по воздуху, прилипая к ткани плащей и забираясь в рукава.

Лесной простор прятался под обрывом, и Асавере казалось, что они уныло бредут по самому краю мира – слева обыкновенный мокрый лес, а справа едва светящаяся серая пелена, укрывшая от взглядов людей долину Мау. Хотелось поскорее оказаться в лагере, поесть, отогреться, чтобы с утра начать долгожданный путь назад – к солнцу и синему небу.

Исира внезапно замерла, вглядываясь в эту хмарь, затем обернулась со странной испуганной улыбкой на лице:

– Он здесь.

Впрочем, Асавера уже и сама заметила крохотную коробочку с хвостом, блестящую мокрыми боками, которая быстро двигалась чуть выше их уровня глаз. Она зачарованно замерла – казалось невероятным, что там, прямо посре-

ди облаков, летит что-то, прячущее в себе живого человека. Коробочка вильнула, легко описала дугу и направилась прямо к обрыву, очевидно, обнаружив скелле. Как сквозь туман до Асаверы донеслись команды старшей, отогнавшей прочь сопровождение и теперь требующей чего-то от нее. Встряхнувшись, боевой маг взяла себя в руки, заняла позицию на правом фланге от Исиры, прямо напротив Ласны, и всмотрелась в узор, который уже творила последняя. Асавера была зрячая – очень полезное качество для боевой скелле. Искусство представало для нее сложным цветным узором, колышущимся в воздухе. Уши ловили скороговорку, читаемую старшей, чтобы синхронизировать их действия, и когда прозвучала знакомая строка, она щедро направила весь поток Источника, идущий через нее, на плетение. На летающую коробочку она не смотрела – было не до того. Перед ней, шипя морозом и укутываясь в плотные клубы пара, быстро росла целая стена из непривычно мелких острых сосуллек. Концентрация падала – непрерывно удерживать поток такого размера было очень тяжело даже для Асаверы, и в тот момент, когда она уже готова была упасть в обморок от напряжения, старшая прочитала последний девиз, и воздух между скелле вздохнул, отпуская в полет настоящий шторм ледяных игл.

Три пятнышка, три еле заметные мерцающие козявки – скелле! Если бы не верная труба, я бы вряд ли заметил крохотный отряд, теряющийся на фоне высоченной стены леса,

подступавшего почти к самому обрыву. Что я собирался сделать? Зачем я их искал? Ответом было чистое, почти детское любопытство. Знаете, вот угнали у вас машину, вернуть ее, конечно, важно, но еще живет какое-то странное чувство – хочется посмотреть на того, кто это сделал, увидеть его глаза. Вот и я поперся взглянуть на тех, кто разрушил мой дом.

Они были уже хорошо видны – три женские фигурки, застывшие вокруг туманного облачка. Между деревьев мелькали уходившие вглубь леса сопровождающие, и больше – никого. Импровизированные дворники с ручным приводом помогали плохо, и, слегка развернув самолет, я приближался по касательной, надеясь рассмотреть этих скелле с безопасного расстояния, когда облачко, клубившееся между ними, внезапно исчезло, и пару секунд спустя слитный тяжелый удар обрушился на машину. Я согнулся от невыносимой боли – что-то холодное со страшной силой ударило меня в грудь, прямо в солнечное сплетение. Несколько секунд ушло на то, чтобы оторвать голову от колен, еще не знаю сколько – на то, чтобы вздохнуть. Выпрямившись, я обнаружил, что самолет, набирая потихоньку скорость, собирается врезаться боком в надвигающуюся стену леса. В обшивке сквозили серым светом многочисленные рваные отверстия, что-то холодное опускалось под одеждой по животу и дальше к поясу, какие-то твердые чужеродные предметы сыпались со стуком на пол. Времени разбираться не было, я бросил ноги на педали, отметив гулко зашуршавшие при этом движении

осколки, усеявшие пол летающей машины. Батюшки, да это же лед!

Машина не слушалась. Точнее, слушалась, но, несмотря на все мои усилия, упорно стремилась двигаться боком вправо – вероятно, одна из этих ледышек ударила по приводу, сбив его тонкую настройку, и хотя я по-прежнему мог управлять вертикальной тягой, мне было суждено садиться, двигаясь едва ли не хвостом вперед. Рядом промелькнули и скрылись из вида высокие деревья – я инстинктивно сжался, ожидая удара, но пронесло, деревья выскочили с другой стороны. Все так же боком, по пологой спирали, я опускался, устремляясь к обрыву. Можно было немного набрать высоты и перемахнуть его кромку, но осмысленно лететь было невозможно, а единственным местом для запланированного крушения, лишенным смертельно опасных деревьев, была неширокая безлесая полоса над самым краем. И, съездившись от неминуемого, я, вместо того чтобы подтянуть самолет повыше, позволил ему, пока он не набрал еще большую боковую скорость, коснуться каменистого грунта этой планеты.

Затрещало, я запоздало подумал о вероятности скатиться в пропасть вместе с машиной, что-то громко сломалось, и самолет, опрокинувшись на бок, застыл. Приехали. Дальше поезд не пойдет!

Выбираясь из кресла, застонал от сильной тупой боли. Остановился, задрал рубашку и с замершим на мгновение

сердцем устался на грудины – ее украшал знатный, начинающий наливаясь тьмой синяк. Похоже, мои кости оказались крепче льда, прилетело мне, что называется, на излете, да и сосулька должна была пробить обшивку до того, как встретить на своем пути мое тело. Ну и славно! Значит, пришло время повоевать! Запоздало подумалось, идиот! Не хотел быть предсказуемым!

Времени на самобичевание не было, я торопливо отстегнул от подвеса метатель и осмотрелся – как выбираться-то? Дверной проем теперь был полом, позади, где торчала хвостовая балка, был виден кусочек пейзажа, но пролезть через такое отверстие я бы не смог. Дыр от обстрела на удивление немного, да и резать корпус мне ужасно не хотелось. Оставалось выбить многострадальное остекление, на которое я потратил столько времени. Впрочем, я не стал лупить по нему ногой и со всей возможной в текущей ситуации аккуратностью выдавил, упершись плечом, нижний просвет, бывший при жизни правым окном самолета.

Ужом выбрался наружу. Сыплющаяся сверху вода показала целебным эликсиром, и пару секунд я потратил на то, чтобы, лежа на спине и открыв рот, пытаться напиться – не иначе как еще и головой стукнулся при падении. Что-то прошуршало в воздухе, я заметил несколько быстрых росчерков – сосульки скелле. Видимо, дистанция для них была предельная, или еще по какой причине, но ни одна из них не попала ни в меня, ни в самолет. Я сел с тяжелым метателем

на бедрах, придавившим мое тело, и осмотрелся. До скелле было метров пятьдесят, шестьдесят – не так уж и далеко. Меня они сбили на гораздо большей дистанции – не иначе как сегодня везение было на их стороне. Если бы не повредили привод, я бы просто улетел – остро кольнула досада.

Женщины не двигались и, похоже, не собирались менять позицию. Одна из них, в центре, что-то читала, похожее на стихотворение, но я не мог разобрать слов. Было ясно, что они собираются так или иначе повторить попытку убить меня. Я же ничем им ответить не мог. Метатель – машинка могучая, но уверенно попасть в человека из нее на таком расстоянии невозможно. Мне надо было срочно сблизиться с этой тройкой боевых магов – в том, кто они такие, я не сомневался, хотя бы до тридцати метров. С такого расстояния обстрел мог быть достаточно опасен, чтобы, по крайней мере, спугнуть их, сорвать творимую атаку.

И я побежал. Побежал наискось, стараясь прижаться поближе к кромке леса. К тому же неподалеку виднелся большой ствол дерева, лежащий на земле. Движение острой болью отдавалось в груди, но я не обращал на это внимания. Краем глаза следя за магами, я видел шипевшее в воздухе между ними туманное облако и понимал, что несколько секунд спустя оттуда сорвутся десятки, если не сотни ледяных игл, и, скорее всего, если я не укроюсь, то мое инопланетное приключение закончится там, где и началось – в Облачном крае. Продолжая бежать и ожидая каждое мгновение смер-

тельного шороха, я готовился упасть ничком, одновременно успевая глупо удивляться – как можно убивать меня?! Ведь я же такой важный – настоящий эль! Меня ждет храм! Я с Земли – вашей прародины!

Успел. Уже рухнув, задыхаясь, за могучим стволом, я отметил, как сильно и резко застучали по нему ледяные иглы, взрываясь смесью осколков и щепок. Испуганное недоумение быстро сменилось злостью. Я поднялся, понимая, что скелле нужно время, чтобы подготовить новый залп. Три женщины – одна высокая и крупная в центре, изящная девушка справа и коренастая толстушка слева, темнели мокрыми плащами на фоне клубящегося одеяла облаков. Уложив метатель на ствол, прицелился, отметив вернувшееся спокойствие и холодное равнодушие, в ту, которая читала скороговорку, и потянул рычаг, разгоняя привод. Последний послушно загудел, бешено вращая в своей середине кристалл гипса. И все. Болт, предварительно установленный в фокусе, даже не шевельнулся. Озадаченно рассматривая метатель, я замер, с запозданием сообразив, что мои противники не ждали, продолжая готовить очередной удар. Рывком сдернул себя под защиту могучего ствола, и спустя несколько мгновений очередной ливень рукотворного града взорвался во круг, осыпав меня льдом и древесным мусором.

Ясно! Какой-то осколок или даже сосулька начисто разбили тонко настроенную систему линз, чего в горячке боя я и не заметил. Привод исправен, маховик с кристаллом ра-

ботаает, но нечему превратить тени Источника в банальный импульс, нечему толкнуть тяжелый болт навстречу короткому полету. Я услышал женский голос, как будто отдающий команду, выглянул – тройка магов сдвинулась к обрыву, и главная среди них вновь забубнила свою скороговорку. Еще негустой жидкий туман обозначил их задумку – маги подняли заготовку своей атаки высоко вверх, так, что невеликий ствол уже не мог бы укрыть меня. Я оглянулся – кромка леса все еще далеко – не добегу. Что делать?! Рвануть им навстречу? А если добегу, то что? Ждать, используют ли они магию против меня? Колотить их тяжелой железякой по головам в надежде, что у них нет другого простого и эффективного способа убить? Можно достать кристалл, но мне надо время, чтобы накачать себя энергией, и потом я буду должен бежать под смертельным градом, надеясь не расплескать до времени накопленное.

Рука метнулась в карман – кристаллов не было. Вывалились? Не важно! Облачко над скелле начинало густеть, хотя и не так быстро, как до этого, но времени все равно оставалось в обрез.

Какого хрена?! Кристалл есть! Вот он! Прямо в метателе, и его не надо неуклюже вращать в вытянутой руке – маховик крутит так, как никакой фокусник не сможет!

Черная дыра никуда не делась. Я уже давно привык ощущать легкий сквозняк от нее. Сдвинувшись, чтобы маховик метателя накрыл прятавшийся под горизонтом Источник, я

потянул рычаг. Вот это да! Я как будто попал под лопасти мясорубки, мгновенно перегревшей меня так, словно я коснулся храма. Трясаясь и лязгая зубами от воображаемого озноба пополам с жаром, сразу же потеряв все чувства, включая ощущение времени, я, как заторможенный неуклюжий зомби, неловко пристроился за оружием, наведя его на продолжающую читать скороговорку скелле. Чего-то они долго в этот раз? Может, им тяжело готовить высоко вздернутое в небо заклинание? Да какая разница?!

Я понимал, что небольшая ошибка, небрежная, неаккуратная фокусировка, и в полет отправится не только болт, но и весь метатель. Поэтому, несмотря на плывущую картинку, на нестерпимый жар, я сосредоточился на линии ствола, вдоль которой должен был разогнаться болт. Мне пришлось, стараясь сохранить прицел, присесть на корточках позади оружия так, чтобы моя голова оказалась на этой линии. По счастью, отсюда я отлично видел свою цель и смог, как Цезарь, совместить два принципиально разных действия: прицеливание и фокусировку. Мелькнуло опасение, что я не смогу разогнать снаряд – ведь в стволе он последовательно проходил через набор фокусов от разных линз, постепенно увеличивая скорость. Мне же предстояло отправить его в полет одним резким ударом. Попасть я и не надеялся – спугнуть бы, разрушить атаку врага.

Метатель все же вырвался из рук. Но, видимо, я зацепил лишь самый дальний край его кожуха, так как болт ушел

в свой полет точно и резко. Чертыхнувшись и наслаждаясь вернувшейся прохладой, я всмотрелся в своих врагов. Они не успели, а я, как ни удивительно, не промахнулся. Десятисантиметровый заостренный с двух сторон кусок металла метнулся через разделявшее нас пространство видимым росчерком, оставившим в воздухе шлейф разбитых водяных капель, и ударил куда-то старшую из тройки – ту, что читала считалку. Она упала, сметенная, на спину, туман, висевший над скелле, рухнул следом ведерным потоком воды, раскидавшим оставшихся в стороны.

Задуманное Исирой заклинание оказалось очень тяжелым даже для Асаверы. Мощь Источника бесконечна, и он не знает усталости, но управляться с ним вовсе не так просто, как кажется многим. Особенно если требуется удержать действительно могучий поток. Когда по команде старшей они поменяли позицию, Асавера была настолько вымотана, что уже не обращала никакого внимания на их врага – главное, не расплескать щедро даруемую Источником энергию, аккуратно и точно наполнить ею новое плетение. Как назло, старшая велела Ласне задрать заготовку атаки как можно выше, и Асавера, едва не застонав от досады, вся сконцентрировалась на потоке. Она видела, как напитанные им узлы созданного Ласной рисунка стремительно холодели, вытягивая из окружающего воздуха влагу, как, шипя и потрескивая в облаках холода, росли прямо в воздухе удерживаемые Исирой

ледяные иглы – маленькая ошетилившаяся остриями стена, как слегка подрагивали их острые жала, готовые сорваться навстречу врагу. В следующее мгновение что-то еле слышно прошипело, оборвав себя глухим ударом – как будто кто-то из отряда сопровождения ударил палкой по мешку с сеном, и могучее заклинание, висевшее высоко над головами, внезапно рухнуло на них потоком ледяной воды и болезненными ударами потерявших опору сосулек. Растерянная Асавера обнаружила себя промокшей насквозь, нелепо раскинувшейся на грунте, утыканном острыми неровными камнями, под недалеким серым небом, насмешливо и щедро поливавшим мокрую скелле дождем. Минуту она ошалело тарасилась туда, в серое ничто, щурясь от воды и не понимая, что произошло. Затем слух вернулся, а вместе с ним и бормотание Ласны поблизости. Асавера с нарастающим раздражением рывком села и обнаружила неподвижно лежащую неподалеку Исиру и, очевидно, творящую лечебную магию Ласну, склонившуюся над ней. Спина последней походила на мокрую тряпку, которую забыли отжать после того, как прополоскали в ведре с грязной водой. Исира же более всего напоминала грудю брошенного кем-то тряпья, и, если бы не торчащие из-под него ноги в плотных светлых чулках и коротких походных сапожках, Асавера бы подумала, что Ласна сошла с ума и, зачем-то бросив заклинание, решила порыться в этой мокрой куче. Шок отпускал вымотанную скелле медленно, и, вероятно, поэтому она все еще сидела на зем-

ле, с изумлением рассматривая суету Ласны, когда справа отчетливо раздались приближающиеся шаги – эль! Как она могла забыть?!

Он подходил неторопливо. Рослый, абсолютно лысый мужчина со странными, непривычными чертами узкого, высокого лица. В отличие от скелле, он не выглядел пострадавшим от всей этой воды вокруг, хотя его халат, раскрашенный цветами рода Уров, явно требовал чистки. Правая рука эля была отставлена далеко в сторону и сжимала какой-то странный, очевидно, много весящий механизм – не иначе как один из запрещенных артефактов. Было видно, что он тяжел, но эль тем не менее упорно держал его на вытянутой руке, как будто тот был опасным ядовитым животным. Кажалось, что эта его отставленная рука куда-то указывала, и Асавера невольно всмотрелась за край обрыва, но там ничего интересного не было – все та же осточертевшая хмарь. Вспыхнула злость – злость не столько на этого незнакомца, сколько на то, в каком виде он ее застал, а еще на то, что, по-видимому, именно он и был виновником ее положения, и Асавера, привычно сконцентрировавшись, собралась смахнуть раздражавшего ее мужчину прочь, когда тот внезапно замер и, пристально уставившись своими светло-желтыми глазами в глаза скелле, отрицательно покачал указательным пальцем свободной руки. Ей еще не доводилось испытывать таких ощущений – как будто наплыв неприятного волнения родился где-то в районе живота и быстро пробежал по телу,

заставив напоследок шевельнуться волосы на голове. Асавере внезапно показалось, что этот эль – последнее, что она увидит в жизни, что вот прямо сейчас все закончится. Но секунды шли, эль стоял замерев, по-прежнему пристально глядя на скелле, и Асавера почувствовала, что напряжение уходит, что да, все закончилось, и больше не надо никого убивать, но жизнь тем не менее продолжается. Не видела она в странных больших глазах пришельца ненависти и смерти – лишь усталость и раздражение.

Слева пискнуло – Ласна, как и была до этого, стоя на коленях над Исирой, испуганно уставилась на эля. Ее глаза метнулись к Асавере, и та, сама не зная почему, успокаивающе покачала головой, после чего, наконец, медленно поднялась, ощущая, как отзывается болью помятое тело. Эль подошел ближе, очевидно, не сильно опасаясь своих бывших врагов, всмотрелся в неподвижно лежащую скелле:

– Жива?

– Ей нужен покой, – каким-то взволнованным голосом отозвалась Ласна.

– Что с ней?

– Пробито легкое, перелом лопатки, ребро пострадало. Кости я зафиксировала, кровотечение остановила, легкое поправила, дренаж установила, но ей нужна другая сестра, – Ласна говорила торопливо, как будто отчитывалась перед строгим учителем.

Эль выслушал ее, зачем-то потер грудь, морщась, и уста-

вился в лес, где скрывался отряд сопровождения.

– Это кто?

– Слуги, – Асавера всмотрелась в темноту между стволов.

Трое мужчин стояли рядом с деревьями, ожидая команды, остальных видно не было.

Эль о чем-то задумался, уставившись на прислугу, и Асавера решила:

– Вы позволите нам обсушиться? – было странно слышать собственные слова. Всю свою жизнь она ни о чем и никогда не просила мужчину.

– Да, конечно. Только осторожно, меня не зацепите, – эль ответил равнодушно и опять уставился в лес – похоже, прячущаяся там прислуга волновала его гораздо больше, чем скелле.

Он оторвался от созерцания темноты под деревьями, чтобы посмотреть, как они сушили свое платье, чем неожиданно сильно смутил Асаверу.

– Как тебя зовут? – желтые глаза вновь уставились на нее.

– Асавера.

Он перевел взгляд.

– Ласна, – пискнула последняя, немного помолчала и добавила: – это Исира. Она наша старшая.

– Ясно! Скажи мне, Асавера, – он сдвинулся на полшага в ее сторону, отчего волосы у нее на коже, казалось, зашевелились, – вам что, Козьего переулка мало было?

– Чего? – Асавера уставилась в ответ на эля.

– Это рядом с площадью старого храма, я знаю, – прозвучал голос Ласны.

Эль посмотрел на нее, вновь повернулся к Асавере:

– Вы когда сюда отправились?

Она ответила. Незнакомец нахмурился, что-то обдумывая, спросил:

– И вы не в курсе того, что там случилось, я правильно понимаю?

– А что там случилось? – влезла оправившаяся, похоже, от испуга Ласна.

– Так, маленький фейерверк, – устало и тихо ответил эль, опять уставился в лес, затем, видимо, приняв решение, повернулся, – мне понадобятся двое ваших слуг ненадолго. Можете им приказать?

Скелле молча уставились на незнакомца. Асавера почувствовала, что к ней возвращается былая уверенность, она вскинула голову, всмотрелась в узкое лицо эля, и та тут же испуганно спряталась.

– Конечно, – за нее ответила Ласна, растягивая слова так, как будто хотела спросить, что это значит, но эль просто кивнул и ничего не ответил, лишь устало опустил, видимо, ставший окончательно неподъемным артефакт, который так и держал все это время в отставленной руке. Слабый порыв ветра коснулся лица скелле, и Асавера с удивлением почувствовала, что бесконечный дождь закончился.

Выделенная мне парочка напрягала – матерого вида мужики с длинными тесаками на поясах и с цепкими быстрыми глазами. Они грузили гораздо больше, чем чуть было не убившие меня скелле. Может быть, потому, что я понимал – эти способны порубить меня на фарш гораздо быстрее, чем я воспользуюсь метателем, а точнее, единственным сохранившимся у меня кристаллом. Это были быстрые, сильные, видавшие виды бойцы – опасные и вооруженные. Скелле и не подумали разоружать их – искусство было быстрее и опасней любой стали. Другое дело я. Пришлось делать вид, что для меня их тесаки не больше, чем бесполезные железки дикарей против автомата Калашникова. И хорошо, что, кроме меня, никто не догадывался, какой это глупый блеф. Мужики справедливо рассудили, что тот, кто справился с тройкой боевых скелле, им не по зубам, я же старательно делал вид, что это и на самом деле так, хотя точно не собирался поворачиваться к ним затылком. Еще одним их качеством оказалась молчаливость, что меня полностью устраивало – они спокойно и не торопясь, со скрытым достоинством выполняли мои команды и не лезли с разговорами.

Ревизия пепелаца показала следующие повреждения: отломана хвостовая балка, и, хотя привод в ней уцелел, все тяги выдраны, что называется, с мясом; правая боковая лыжа оторвана и обнаружилась в десятке метров от самолета; ну и, как и предполагалось, ударом сосульки выбило из креплений чебурашку привода горизонтальной тяги. Восстановить, хо-

тя бы частично, подвижность машине было для меня сродни возвращению свободы. Если бы самолет не удалось поднять в воздух, то пришлось бы отправиться в путь в компании людей, которые полчаса назад методично и расчетливо пытались меня убить. Единственной альтернативой был пеший двухдневный переход до известного мне хутора, где я, пользуясь своим статусом бывшего члена семьи Садуха, мог рассчитывать на помощь. Мне, так или иначе, предстояло прибегнуть к этому, но одно дело, когда ты возвращаешься в старый дом гордым и богатым летуном с аристократическими связями, и совсем другое – когда приползаешь туда побитым беглецом. Опыт подсказывал, что логика местных отличалась весьма упрощенной версией прагматичности, а потому – понты наше все! Без самолета туда лучше не соваться. Разве что сам Садух был бы на плато – он мог видеть то, что обычные люди считали далеким от каждодневной жизни. Я вздохнул – по моим данным, он давно и прочно осел в долине, разумно посвятив себя главному – контролю за водным путем. Когда еще до него дойдет весть о моем возвращении – в любом случае это была потеря времени, которую я себе позволить не мог. Ощущение того, что я не скоро увижу семью, крепло, и к нему еще предстояло привыкнуть.

Я выбрал единственный способ, позволявший поставить покалеченную машину на ровный киль, – отломать левую лыжу и подровнять обрубки сохранившихся стоек шасси справа и слева. В итоге самолет будет практически лежать

на брюхе, упираясь в грунт растопыренными обрубками, как древнее земноводное – недоразвитыми лапками. Мои недобровольные помощники, выслушав меня, кивнули, слаженно, как синхронистки на олимпиаде, извлекли из своих сумок короткие острые топоры, от чего я невольно поежился, и ловко ампутировали уцелевшую конечность, заодно подравняв уцелевшие остатки парной.

Постоянное ощущение того, что я хожу по самому краю, изматывало, и я поспешил отпустить мужиков, едва они под моим руководством вернули вертикальное положение самолету. Хвост, обнаруженный поблизости, теперь торчал прижатый к крыше моего летающего сарайчика. Самое удивительное, что это чудо-сооружение было еще вполне способно летать – правда, с большими трудностями. Мне удалось восстановить настройки двигателя, действительно пострадавшего от удара сосульки, и теперь пепелац не вертелся боком в воздухе. Вертикальный привод и раньше не пострадал, благополучно пережил падение, поэтому высоту я мог набирать без проблем. Теперь же мне удалось вернуть и горизонтальную тягу. Однако с обломанным хвостом самолет лишился главного – маневра. Предстояли перелет к моей скале и посадка на разбитую крышу на аппарате, который не мог поворачиваться, – та еще задачка. К счастью, сам привод, расположенный на окончании хвоста, не пострадал, и я рассчитывал, протянув пару тяг – банальных тонких бечев, добиться управления рысканьем с их помощью, в точ-

ности как древний извозчик, попеременно натягивая то левую, то правую вожжу. Пришлось потратить довольно много усилий, чтобы хвост на крыше был закреплен достаточно жестко, тем более что к тому моменту я остался на подсыхающем обрыве совсем один.

Дождь закончился. Длинный день Мау все тянулся и тянулся. Скелле вместе со своим отрядом давно исчезли за далеким изгибом обрыва. Совершенно измотанный, я уселся на днище кабины, собираясь поесть, но обнаружил, что сил не осталось даже на это. Накатило. Я таращился на ставший привычным инопланетный пейзаж и чувствовал себя совершенно счастливым. Я вновь был сам по себе, снова моя жизнь зависела только от меня. Ушло куда-то на время липкое чувство долга и обязательств – не до них, когда банально борешься за выживание! И одновременно пришло ощущение свободы. Лететь на скалу или ночевать прямо здесь, на обрыве, – решал только я. Захочу, откинусь на спину и засну прямо здесь. Храм подождет – ему не привыкать. Семья далеко, и это не изменишь.

Пришлось сделать изрядное усилие, чтобы не поддаться наваждению. Разум не хотел успокаиваться, диктовал, нужно сменить место – неважно, добраться до обрыва или просто перелететь куда-нибудь. Тело требовало покоя и отдыха. Победил этот раз первый, и я, вздохнув и отложив так и не начатый запоздалый обед, полез за рычаги. Подергал вожжи – пепелац, окончательно приобретший вид сарайчика на

подпорках, чуть дернулся, скрипнул привязанный на крыше обломок хвоста. Похоже, работает.

От земли самолет оторвался легко и охотно – все же лыжи из неведомой мне плотной древесины весили изрядно. Вбок не тянуло – значит, удалось вернуть привод на место. Я завис метрах в десяти, уставившись на колышущуюся напротив стену деревьев. Выдавленный мной сегмент остекления зиял пугающей дырой прямо под ногами. Босые пальцы ног, торчащие из сандалий, щекотал легкий сквозняк, и высота казалась ощутимой физически. Я потянул за правую вожжу – самолет охотно качнулся и начал, ускоряясь, разворачиваться на месте, одновременно почему-то слегка сдвигаясь назад. Я торопливо, но по возможности аккуратно потянул за противоположную тягу. Вращение удалось остановить – видимо, чебурашка движителя в хвосте, на мое счастье, охотно занимала привычное нейтральное положение. Одновременно утих и дрейф на корму. Самолет, немного плывя, развернулся к северо-западу, лес и обрыв пропали из вида, распахнулось холмистое море у подножия, и я решил, что лучше экспериментировать с тягами, имея какую-то скорость, – так машина сама будет стремиться выровняться, и сдвинул рычаг горизонтальной тяги.

Полет, поначалу показавшийся несложным, вымотал до предела. Отсутствующая часть остекления вкупе с хвостом, привязанным к крыше, сделали аэродинамику нестабильной – стоило прибавить скорости, и машина начинала вилять

и раскачиваться. Хорошо еще, что я быстро приноровился править вожжами, а те, несмотря на архаичное исполнение, не подвели, правда, и я старался использовать их как можно реже. В результате до скалы я добирался едва ли не столько же времени, сколько на это потребовалось бы пешком. Вид утеса вызвал сильное чувство дежавю – казалось, что я предвидел все это. Разум отказывался признавать, что уже был тут сегодня и вполне мог никуда и не летать, в результате оставшись с целым самолетом и сэкономленным морем времени, которое теперь болталось между этой скалой с уже утихшим пожаром и той, мимо которой я так опрометчиво пролетел несколько часов назад. Как бы то ни было, надо было садиться.

Все-таки это другая планета. Подсознательно я ожидал привычного запаха потухшего пожара, отдающего копченостью, который надолго пропитывает всех и все рядом с потушенным кострищем, и совсем не предполагал, что древесина из местной растительности, обгоревшая и затушенная дождем, будет пахнуть ароматическими палочками из азиатского массажного салона. Самолет устало замер, почти прижавшись к скальной стенке на чудом уцелевшем ровном участке. Рядом из обугленного провала топорщились мрачным хаосом разломанные и как будто изжеванные почерневшие доски перекрытий. Уцелевший кусочек лестницы, когда-то служивший подъемом на крышу, нырял прямо в эту неаппетитную черную мешанину. Я добрался, посадил само-

лет, но сил на что-либо еще уже не было. К тому же, хотя местные сутки и длиннее земных на целых четыре часа, но и им, похоже, приходил конец – смеркалось, и я понимал, что скоро и очень быстро стемнеет. Измотанное тело требовало одного – быстрого перекуса, еще более стремительных санитарных процедур и сна – прямо здесь, на привычном и родном полу летающего сарайчика. Вот только прикрою окно в носу уцелевшей пластиной прозрачного пластика, заткну дыру в хвосте – и все!

Снился храм. К счастью, снился в буквальном, традиционном смысле. Я отчетливо понимал, что эти обрывки невнятного общения, засевшие в мозгу, – клочки сна, не успевшие покинуть его, когда порыв ветра, прорвавшийся через многочисленные щели и дыры в обшивке, заставил проснуться, ласково погладив лысую голову. Некоторое время лежал, слушая шорохи и бессмысленно таращась на крашенный красным шарик с одной глубокой бороздкой по окружности, спокойно валявшийся на полу рядом с моей головой. Раздвигая мутные полотнища сна, в голову протиснулось осознание реальности – это же кристалл соли, переживший бой, крушение, полет на разбитой машине и дождавшийся хозяина, чтобы подарить мне возможность творить тепло – от простого разогрева завтрака до точечной сварки. Я рывком сел и схватил находку, как будто она могла убежать. Возбуждение прошло, утащив упирающиеся остатки сна. Воспоминания о нем, о храме разом потеряли вкус и запах, выцвели и стали стремительно испаряться. Свежий ветерок с ароматом благовоний гулял по кабине, за окном виделось светлеющее небо с далекими разрывами облаков на западе. Хотелось есть и пить, но вместо этого я тщательно осмотрелся и, к своему удивлению, без труда нашел еще два шарика – сода и гипс, белый и синий, две бороздки и волни-

стая насечка, возможности для меня творить импульс и потенциал. Настроение стремительно улучшалось – я жив, здоров, без труда могу изобразить мага, плюющего огнем и молнией, швыряющего предметы и врагов, и я в месте, полном скрытых маленьких роялей, как игрок в разрушенной башне древнего волшебника. И не важно, что эти музыкальные инструменты я сам заботливо копил и собирал здесь – начинается новая игра, а у меня уже есть бонус для лихого старта. Сожаления о безрассудном преследовании, бое и пострадавшей корзинке воздухоплавателя не было – что было, то было!

Площадка встретила веселым теплым ветерком, светлым небом и ароматным хаосом разбитой в хлам мастерской. Я никогда не интересовался экономикой древнего Мау, но, так или иначе, товарно-денежные отношения, и их главное выражение – универсальный эквивалент, а попросту – деньги, присутствовал на планете в полной мере, и не хуже, чем на Земле, мог творить чудеса. Свои сбережения я не доверял местным банкам и благоразумно не хранил в доме, а скрытая расщелина, приспособленная мной под сейф, не должна была пострадать, так как находилась в стороне от главного удара. Так и оказалось, и десять минут спустя мое настроение еще более улучшилось – главный рояль покоился именно под тем камушком, который я для него и выбрал. Сумка, памятная по моим приключениям на востоке, ждала меня на месте, почти не похудев. Насколько я теперь ориентиро-

вался в местных ценах – сумма была более чем достаточна для найма морской яхты и заокеанского вояжа. Более того, я мог бы заказать постройку и собственного судна, однако на его содержание точно денег уже не хватило бы. Пришлось бы ставить его на прикол и гордо обитать там в одиночестве – без экипажа и капитана.

Покончив в отличном настроении с первоочередными делами, я занялся ревизией самолета, и вот здесь все оказалось не таким радужным: слава богу, движители, что основной, что вспомогательный, не пострадали; куцые лапки, оставшиеся от стоек шасси, были частью силового набора, и новые лыжи можно было без больших трудов присобачить прямо к ним; главной проблемой оказался хвост – мало того что был сломан верхний лонжерон, бывший основой балки, так еще и геометрия самолета не могла быть восстановлена без установки его на стапель. Если бы хвост выполнял только роль носителя аэродинамических поверхностей, больших проблем бы не было – ну, летал бы пепелац немного боком. Это не страшно, тем более что в реальности самолет и так почти никогда не летит без небольшого угла рысканья к ветру. Но в хвосте находился вспомогательный движитель, призванный управлять этим самым углом. И любое рассогласование с геометрией вызывало не только предсказуемый разворот машины, но и паразитные осевые движения, вроде того дрейфа, который так мешал мне вчера. Бог с ним с дрейфом, сама поломка лонжерона ставила меня в тупик. О том,

чтобы строить новый корпус, и речи не могло быть. Значит, предстояло как-то выстаивать, по сути, новый хвост вокруг остатков силового набора. Материала для этого в глубинах пожарища должно было уцелеть немало, но обшивку восстановить вряд ли удастся. Где-то там, в мешанине горелых балок и ломаных досок, прячется канистра со смолой, но уцелела ли она – большой вопрос, как и материал, который я использовал вместо ткани. Насколько я помнил, у меня на скале оставался лишь небольшой рулон, рассчитанный на текущий ремонт – не более. Даже если я его найду и он не пострадал, то и без хвоста обшивка пестрела многочисленными дырами, жаждущими заплаток.

Запаса продуктов и воды – дней на пять, хотя, если тщательно кипятить, последней вокруг хоть залейся. И я решил начать с разбора, насколько это возможно, завалов. Если не повезет, то до хутора, где обреталась Урухеле, я, так или иначе, доберусь, но лучше в любом случае явиться туда на коне, а не под ним.

Садух спешил. Отряд скелле с сопровождением, отправившийся за чем-то на плато, конечно, не мог скрыться от его внимания. Доверенные наблюдатели аккуратно вели непрошенных гостей и, уверившись в том, что определили цель странной экспедиции, сразу же доложили старосте. Чуть последнего не позволило отсиживаться внизу, дожидаясь вестей, – он понимал, что надо быть ближе к событиям,

тем более что, можно сказать, последние разворачивались в его вотчине, там, где он уже привык считать себя полноправным хозяином. И пусть многие в его окружении считали, что Илия – далекий странный пришелец мун, однажды мелькнувший рядом с судьбой старосты, не стоит внимания. Мелькнул и пропал. И даже если был чем-то полезен в прошлом, это минуло. Нечего лезть в дела скелле – целее будешь! Но Садух знал или даже чувствовал, что само его положение негласного барона Облачного края как-то связано с тем, что происходило вокруг Илии там, на далеком западе. Местная скелле, обычно везде сующая свой нос, старательно избегала старосты, многочисленные важные монаршие чиновники, с которыми приходилось иметь дело, нет-нет да и интересовались – что там в столицах, нет ли новостей? Каким-то загадочным образом Садух очутился чуть ли не под негласным протекторатом Уров, которых никогда не встречал. И решая очередную проблему с очередным представителем власти, староста частенько слышал что-то вроде: «Ну ладно! Обстановка в Арракисе сложная. Не стоит нам в это вмешиваться. Кому-то другому мы бы, конечно, отказали, но в вашем случае – так и быть». Можно было отнести их уступчивость к харизме и личным достоинствам самого старосты, но при чем тут тогда столица и, тем более, обстановка в ней, о которой Садух, честно говоря, мало что знал? Да и насчет себя старый контрабандист никогда не заблуждался – вся его харизма – это деньги, которые он аккуратно платил,

не будет денег – испарится и она.

Нюх Садуха не подвел. В Саэмдиле его встретил вестовой:
– Скелле с отрядом вернулись. Старшая тяжело ранена, без сознания. Взяли подводы, утром спешно уходят вниз. Наблюдатели докладывают, что был большой взрыв на утесе, но подробностей не знают – побоялись приближаться.

В результате уже четвертый день Садух с охраной идут по почти забытым тропам туда, где в свое время так любил бывать староста – к утесу муна.

Удивительно, но стоит отличная погода – сухо, временами через разрывы облаков даже блеснет отблеск солнца, ровный теплый ветерок с запада сушит лес, и переход даже доставляет старосте удовольствие, напоминая о днях молодости. Охрана предпочитает держаться деревьев, и его это устраивает. Безлесный край обрыва пуст, и можно насладиться одиночеством, ставшим в последние годы почти недоступным удовольствием для негласного барона.

Вдали появилась человеческая фигура – один из охранников. Приблизившись, молодой парень с отличительным хвостом черных волос торопливо заговорил, указывая рукой за спину:

– Нашли кровь. Похоже, там ранили старшую. В стороне у обрыва какие-то обломки. На стволах следы боя, но что это было, определить не смогли.

Староста нахмурился – отсюда до утеса еще довольно далеко, кивнул:

– Веди.

Пять минут спустя начальник охраны, указывая то туда, то сюда рукой, объяснял мрачному Садуху свое виденье того, что произошло, а последний молча разглядывал знакомый обломок – лыжу от самолета Илии, еще одна виднелась ближе к лесу.

– Похоже, что скелле возвращались. Видимо, взрыв на утесе произошел раньше. Кто-то нагнал их и напал. Ранена была только одна. Почему нападавший не добил остальных – непонятно. Вон там, в стороне – щепки и еще обломки, эти вот доски гнутые. Как будто что-то чинили или строили. Наши говорят, что топоры неместные – слишком тонкая заточка и форма лезвий другая. Работали двое. Больше ничего не нашли.

Садух оторвался от созерцания потемневшей от времени доски со свежими сколами и не торопясь зашагал к обрыву. Вслед затараторил молодой, с немного обиженной интонацией:

– Мы смотрели. Нет там ничего. Никаких следов падений. В лесу есть помятости, как будто люди прятались – наверное, охрана скелле.

Староста остановился, не дойдя до края:

– Сынок, у скелле нет охраны – у них только прислуга.

– Ну, спать-то они ложатся, – тихо, как будто сам себе буркнул начальник охраны.

Садух задумчиво посмотрел на него – перестают люди бо-

яться орден, и это зря:

– Ладно, бойцы. Двинули дальше.

– К утесу?

– К нему.

Скала не изменилась. Еще не так давно именно сюда Садух принес муну известие о беременности и скорых родах его скелле. С тех пор он тут не был, и не похоже, чтобы был кто-то еще. Беседка у подножия осталась нетронутой, как и маленький колокол внутри. Может, взрыв был не здесь? Может, зря шли? Староста отослал людей и уселся, разглядывая далекий лес под обрывом, не торопясь дергать язык колокола. Хотелось еще минуту неопределенности. Он боялся, что ему никто не ответит, боялся, что надо будет что-то решать, а он не знает что.

Почему-то скелле, если они здесь были, проигнорировали это крохотное строение. Может, посчитали бесполезным? Если бы они уничтожили колокол, да хотя бы сбросили его вниз – Садух не знал, как можно было бы дать знать о себе тому, кто, он надеялся на это, сидит наверху. А так, знакомая потемневшая от времени веревка и позеленевшее било отработали, как и было задумано, – гулкий удар еще долго висел в воздухе, быстро проглотив резкий недовольный звон разбуженной бронзы. Оставалось только ждать. И без уверенности, что кто-нибудь отзовется, ожидание обещало быть беспокойным.

Садух колебался. Уже прошло довольно много времени,

а утес так и не отреагировал, никто не спешил на встречу. Можно было бы дернуть за било еще разок, но что-то оставляло бывшего старосту, ему казалось, что так будет неправильно. Время шло, он уже был на грани того, чтобы вернуть людей – надо было командовать возвращение. Бывший староста обдумывал возможность заглянуть на хутор, где обреталась Урухеле, – хотя, было странно, что ему не доложили о появлении там Илии, когда, к его облегчению и радости, знакомый самолет вынырнул из-за скалы. Он описал обычную короткую дугу, очевидно, высматривая гостя, и направился к насиженной площадке рядом с беседкой.

Садух поймал себя на том, что уже стоит неподалеку, улыбающийся и довольный, как если бы удалось выиграть в безнадежной партии. Самолет Илии изменился. Вместо болтавшихся раньше по бокам ног, скрепленных тяжелыми плоскими балками, мун называл их загадочным словом «лыжи», остались лишь четыре короткие лапки, связанные практически под брюхом летающего сарайчика широким прямоугольником из брусьев с диагональными перемычками. От этого, как ни странно, самолет стал выглядеть более стремительным, поджарым, что ли, как если бы присел, подтянув лапы к брюху и готовясь к прыжку. Вместо привычного хвоста тянулась сложная мешанина перекрещивающихся брусков и тяг, как будто машина решила избавиться от кожи и оголила тонкое плетение костей и жил, до того прятавшееся от стороннего взгляда. Мелькало за окнами улыбающееся лицо,

но разглядеть подробности было невозможно, пока самолет как-то непривычно аккуратно и даже бережно не опустился практически на самое брюхо, сразу же оказавшись ниже не такого уж и рослого гостя. Стало заметно, что машина пережила многое – обшивку пятнали многочисленные свежие и уже состарившиеся пятна заплаток, когда-то серебристый цвет смолы, которой изначально она была пропитана, потемнел, а сами заплатки, похоже, никто и не озаботился подбирать в цвет основного корпуса. Садух уже приготовился поинтересоваться откровенно поношенным, но при этом как будто заматеревшим, ветеранским обликом самолета, когда замер с открытым ртом, так и не высказав повисшие на языке слова – из открытого бокового проема выбрался, сутулясь и пригибаясь, Илия. Его, конечно, нельзя было ни с кем спутать, и не было сомнения, что это он, но одновременно любой, кто видел веселого волосатого муна, сказал бы – нет, братцы, это другой человек!

Илия был не просто лыс – он был без волос. На голой, потемневшей от загара голове, от того еще контрастней, выделялись уцелевшие или, может быть, заново отросшие ресницы и редкий выгоревший пушок на том месте, где должны были быть брови. Сверкнула белозубая улыбка:

– Видел бы ты свою рожу, Садух!

Илия, в парадном халате с драным рукавом, разукрашенном цветами Ур, но при этом перепачканном сажей так, что эти самые цвета едва были видны, шагнул навстречу. Садух

вместо приветствия, сам того не ожидая, как-то сдавленно крикнул и обнял бывшего члена семьи. Отстранился, рассматривая изменившегося приятеля, и, наконец, выдавил:

– Да-а, вижу, нагулялся вдоволь! Проведать или насоседем?

Илия вздохнул, усмехнулся:

– Садух, ты сам все знаешь. Побуду немного – надо подготовиться, и улечу.

– Расскажешь?

Илия заулыбался:

– Ну, что ты, как не родной? Забирайся в самолет! Надеюсь, твои орлы не заскучают до завтра?

Садух спохватился:

– погоди, отошлю их на хутор, – бросил быстрый взгляд на муна, – ты же подбросишь меня?

– Ну, зависит от того, сколько выпьем, – Илия, на которого орешек не действовал, смеялся, – кстати, у тебя есть с собой? А то у меня чистого-то и нет.

Садух, отвлекшийся, чтобы подать знак охране, обернулся:

– Нахватался дурных привычек на этом западе! Не волнуйся, найду я тебе нормального.

На что, на что, а на появление бывшего старосты я не рассчитывал. Видно, действительно плохо оценивал Садуха. Он держал Облачный край под постоянным контролем и такое

событие, как визит отряда скелле, конечно, не мог пропустить. С другой стороны, у Облачного барона, как я его про себя прозвал, могли быть, да наверняка и были, другие важные и неотложные дела. Мог бы отправить доверенного человека, но нет, явился лично. Я немного, честно говоря, растерялся. Это там, на западе, я эль, пугающе неизвестным образом угрожающий устоявшимся порядкам. Там меня боятся, остерегаются, ненавидят, любят и почитают. Там меня принимает лично Его Величество, со мной договаривается Орден, разговаривает Храм. А здесь? Я – бывший контрабандист, официально изгнанный из семьи. Здесь мои инопланетные заморочки никого особенно не волнуют. С Садухом, конечно, меня много чего связывает, но и друзьями мы никогда не были – он бывший староста нескольких хуторов, превратившийся в почти самовластного хозяина этих земель на краю мира, я – бывший мун, принятый в его семью по сугубо практическим соображениям, позже по таким же соображениям из нее изгнанный. Наши отношения всегда основывались на взаимной выгоде, меркантильном интересе, но вот надо же я был рад ему, как старому другу. И что самое интересное, он был единственным человеком на планете, кроме моей скелле, которому я доверял. Вероятно, потому, что прекрасно понимал его. Но вот то, что он явится лично, не предвидел.

Основные завалы на утесе к появлению Садуха я уже разобрал. Обгоревшая древесина, благоухая сандалом и мож-

жевельником, высилась парой массивных стопок. То, что невозможно было использовать, безжалостно отправилось под обрыв, вместе с огромным количеством горелого мусора, прижизненное назначение которого зачастую установить уже было никак нельзя. Пользуясь уцелевшим кристаллом соды, я расхаживал по тому, что было когда-то полом мастерской, изображая памятных мне земных дворников, вооруженных агрегатами для сдувания павшей листвы. С той только разницей, что магия легко сдувала и вполне себе массивные бревна. На освободившуюся площадку, разлинованную уцелевшими лагами, я набросал кровельных досок, почему-то переживших атаку лучше полов, и водрузил палатку, когда-то принесенную мной и Аной с Земли.

Садух повертелся, хмыкая и ворча, среди горелых остатков былой роскоши, проигнорировал палатку, хотя с любопытством ощупал ее ткань, и уселся на ступеньках уцелевшей лестницы, прятавшихся в тени небольшого кусочка крыши, пережившего нападение.

– Добрый ты человек, Илия. – глубокомысленно заявил он, взясь с пастилой. – Я бы за такое убил не задумываясь.

– Да ладно, Садух! А то я тебя не знаю! Ты два дня будешь ходить и думать.

– Потом все равно убью! – староста был непреклонен.

– Кого? Скелле?

Садух надулся, запыхтел, как чайник:

– Ну, допустим, скелле – это другое. Но кто-то все равно

должен ответить, – не сдавался барон.

– Вот чего ты дуешься, Садух? Они ведь меня не хотели трогать. А ты сразу – смертная казнь!

– Как это, не хотели? Ты же сам сказал, что они первые напали?! Вон, самолет как обкорнали!

Я вздохнул. Тяжело признаваться, что в произошедшем есть твоя вина:

– Если бы я не стал их преследовать – ничего бы и не было. Ушли бы они вниз. Там узнали бы, что у нас перемирие. Самолет был бы цел.

– А дом?!

– Честно, Садух? Я ведь летел, чтобы деньги забрать. Какой это дом, если в нем никто не живет?

– Зря ты так, Илия. Дом там, куда ты кусочек своей души вложил. А я видел, что для тебя эта скала значила.

– Ладно. Проехали.

Староста, расправившись с первой порцией напитка, протянул мне ароматную кружку, взглянул остро:

– Деньги-то уцелели?

Я усмехнулся, кивнул:

– Все нормально. Что надо – все в целости.

Не хотелось рассказывать о далекой Земле, о том, что бывает так, что дом не самое главное и не самое важное в жизни. И уж точно я не хотел делиться тем, что всецело захватило меня. Тем более что мои планы шли наперекор воле монарха, Ордена, да и собственной семьи. Вот и получилось,

что мой рассказ, честно говоря, вышел не вполне искренним.

Вечерело, общение перешло от прошлого к будущему – моему будущему.

– Значит, ты собираешься в Саутрим?

– Собираюсь. И надеюсь, ты мне поможешь.

Садух вздохнул:

– Чего тебе помогать? Еды сам купишь. Или чего для самолета надо?

– Да я не об этом. Понимаешь, у нас с Орденом вроде перемирия, – Садух, уже изрядно набравшийся орешка, выразительно хмыкнул, – но все равно, чем меньше они про меня будут знать, тем лучше. С другой стороны, у меня теперь вроде семья, ребенок, супруга нервная – чуть что сожжет все на хрен, а оно надо? Короче, я хочу, чтобы все знали, что я жив и здоров, но, чтобы никто, кроме Уров, не знал, где я. Да и им, а точнее супруге, по большому счету многого знать не надо. Главное, что здоров, путешествую, скоро буду.

– Туфта. Супруга твоя, насколько я знаю, не дура.

– Садух! Мне не надо, чтобы они верили – надо, чтобы понимали, что это моя туфта, что это я так неуклюже вру – сам живой и довольный жизнью. Главное, чтобы знали – я вернусь.

Садух задумался. Молча отхлебнул, поддержать меня не просил – да в меня уже и не лезло, поерзал на ступеньках, откинулся на спину и заговорил, уставившись куда-то в темнеющее небо:

– То есть ты хочешь, чтобы я им от тебя письмо передал?
– Не передал, а передавал – время от времени.
– Я так понимаю, ты их заранее напишешь?
– Ага. На разной бумаге, разными перьями. И главное, я на них метку магическую повешу – такую, что, кроме меня, хрен кто сделает.

Садух вновь принял вертикальное положение, хотя и чувствовалось, что ненадолго:

– Подставишь ты меня. Твоя скелле явится, а она явится, и спросит – тут мне и кирдык! Я, знаешь ли, не люблю, когда меня скелле о чем-то спрашивают. Я их вообще... – Садух замолчал.

– Садух, дорогой, ты же не простой человек – знаешь, как такие дела делаются. Концы на себя точно не наведешь – я уверен. Ну, будут время от времени какие-то случайные люди доставлять сообщения, скажем, в резиденцию Уров в Арракисе. Что с них взять? Они сами не знают, откуда письмо. Им заплатили – они привезли. А я тебя с Самом познакомлю, – выдвинул я на ходу придуманный аргумент.

– Чего? С главным Уром? Оно мне надо?

– Подумай. У монарха ведь монополия только на Мау – за океаном ее нет.

– За океаном голодранцы живут. Они бы и хотели, да все равно нормально заплатить не смогут, – голос Садуха показался на редкость трезвым.

– Я бы не сказал. В Угле очень даже платежеспособная

публика. Моя пастила для них была как подарок с небес!

– Угол не весь архипелаг, – Садух помолчал, задумчиво протянул, – хотя попробовать можно, – и вновь затих.

– Чего молчишь? – спросил я нахохлившегося старосту.

– Сам подумай. Ты улетишь, а вернешься ли – неизвестно. Такое уже бывало, если помнишь. Я подпишусь, свое дело сделаю, а твои обещания – когда еще сбудутся, – тон его был до невозможности деловой.

Я рассмеялся:

– Барон, давай я тебе письмо напишу для Сама – прямо сейчас. Уж поверь, он тебя примет!

– Как примет, так и пошлет! – уже веселей отреагировал мой собеседник.

– Садух, Сам человек практичный и опытный – если такая афера и возможна, то только с его помощью. Попытка не пытка. Возьмешься?

– Пиши, давай! Чего только не сделаешь ради старой дружбы!

Далеко внизу, затаившись среди высоченных деревьев, остался хутор Урухеле. Над головой висел привычный для этих мест слой облачности. Мохнатые темные макушки леса, казалось, почти утыкаются в него, но я знал – еще немного, и деревья отпустят меня и мой самолет, а облака так и останутся висеть светло-серым ковром над головой – испытывать их по высоте я не собирался. Вместе с хутором исчезали последние следы груза, еще недавно тяготившего мою совесть. Дороги назад не было, все, что можно сделать, я сделал, машина готова, продукты и деньги погружены, тылы, я надеялся, зачищены. Впереди путь, который должен привести меня к храму, точнее, к его далекой копии на другой стороне планеты. Я не мог сказать, что сделал выбор, на самом деле, за меня его сделала моя природа – природа инженера. Не знаю, что хочет храм, не знаю, что там произойдет, чего боятся скелле, но определенно знаю, что просто не могу пройти мимо! Душу наполняло блаженное ощущение свободы – даже выбор пути делали не обстоятельства или обязанности, а я сам. Подо мной лежала уже не совсем чужая планета, а впереди ждал артефакт настоящих инопланетян – не просто инопланетного разума, а могущественной цивилизации, способной перебрасывать целые народы между далекими мирами. Более того, он готов был давать ответы на бес-

численные вопросы, терзавшие меня после нашей короткой встречи. И наконец, где-то в глубинах местного океана скрывалось нечто, не менее могущественное, но притом молчаливое, и я надеялся, что храм хотя бы знает, что это.

Надо сказать, что кустарный ремонт, которому подвергся мой самолет, неожиданно весьма положительно сказался на его летных качествах. Могучие лапы с лыжами, служившие ему надежной опорой при посадках, были вынужденно ампутированы, и теперь машина, оставшаяся с куцыми обрубками, внезапно обрела легкость, увеличенную скороподъемность, улучшила маневренность и общую скорость. Лишний вес и изрядное сопротивление – вот плата за избыточную прочность. Правда, все имеет свою цену, и теперь мне предстояло относиться к посадке, как к ювелирному маневру, и тщательно выбирать места для будущих стоянок.

Привычно загудела обшивка под потоком воздуха, засуетился в районе шеи легкий сквознячок – кроме всего прочего, пришлось удалить разбитую в боях примитивную климатическую систему и заклеить незапланированные отверстия смолой. Но, несмотря на все усилия, салон на ходу сквозил из всех щелей, и это вернуло мне живое ощущение полета, как во времена первого самолета, когда никакой закрытой кабины не было и в помине. Это было не страшно – на этот раз перебираться через горы я не собирался. По уже однажды проторенной дороге я решил обойти могучий хребет с юга, обогнув над морем его, обрывающиеся темными утеса-

ми в соленые волны скалы. Дорога долгая, но уже пройденная однажды, а потому намного более безопасная.

Пустое кресло справа вовсе не напоминало мне об оставленной супруге, а дарило удобное место для воды, провизии и кучи разнообразных мелочей, вроде трубы или рюкзака, позволявшее не протискиваться по любому поводу назад. Никакой навигацией я пользоваться не собирался, так как сама география не дала бы сбиться с маршрута – слева непроходимые горы, справа утесы и обрывы рифта Облачного края. Я могу держаться любого из этих ориентиров и рано или поздно выйду к океану. Прощлый раз, когда я возвращался этим путем из путешествия на восток, он занял у меня три дня с многочисленными остановками. Учитывая, что местные сутки были около двадцати восьми земных часов продолжительностью, а средняя скорость самолета вряд ли превышала сто километров в час, можно было управиться и за меньшее время, если не искать посадки всякий раз, как пришло время оправиться или перекусить. И опыт нашего перелета через океан давал мне такую надежду. Правда, тот же опыт настойчиво отговаривал от попытки своего повторения, тем более что там, на мелководе утонувшего западного континента, кто-то должен будет охранять мое тело, пока я буду общаться с храмом. Да и сама процедура визита в затонувший артефакт с самолета пугала, если была, вообще, возможна. Я не исключал того, что придется погружаться под воду, чтобы установился контакт, – это еще предсто-

яло выяснить.

Так или иначе, но без помощи со стороны мое предприятие опасно и бессмысленно. Именно поэтому я и лечу в Саутрим. Местные скелле гораздо более ортодоксальные, по сравнению с орденом на западе, открыто объявили, что останутся верны древнему слову и поддержат эля на его пути – то есть меня. Что стояло за этими заявлениями, к тому же дошедшими невнятными слухами, тоже еще предстояло выяснить.

Просвет между лесом и облаками впереди перегородили темные столбы серого тумана – дождь. Как же он мне надоел! Я начал забираться правее к открытому простору долины, обходя непогоду и понимая, что, как обычно, этой планете плевать на мои планы и расчеты.

Прошли два дня. Уже отступили за спину отроги Великих гор, уже давно самолет болтал морской ветер. Побережье постепенно понижалось – где-то впереди таился знакомый город Саутрим, под брюхом бесконечной чередой проносились барашки волн. Океан на юге, несмотря на солнечную погоду, штормил. Накопилась усталость, не терпелось поскорее добраться до цели, и одновременно я чувствовал себя отдохнувшим – отдохнувшим от навязанных извне или выдуманных самим собой обязательств – неважно. Просто дорога не оставляет тебе большого выбора – ее надо пройти, и все. И человек, постоянно решающий, что делать, наконец, расслабляется – выбор уже сделан.

Мелькали суда. Почему-то большая их часть шла на запад, но довелось обогнать и пару тяжелых торговцев, очевидно, ползущих в порт столицы востока. Про себя я решил действовать осторожно. Никаких посадок посреди толп любопытных горожан – использую уже знакомый мне район древнего города, вернее, его останков. Прогуляюсь ножками до известной мне обители, послушаю, что говорят люди на улицах. Да и сумку с деньгами следовало припрятать – меня беспокоило давно забытое с Земли чувство, когда довелось первый раз в жизни оставить мой первый автомобиль на улице. Трудно было просто уйти по делам, не обернувшись. Так и здесь – я снова был один, и предстояло оставить самолет на какой-нибудь заброшенной крыше. А, если уж так, то чемодан с деньгами, правами и документами я в нем точно не брошу. Я ухмыльнулся. Жизнь на Земле отсюда выглядела полубабытым цветным сном, ее страхи и волнения ощущались несерьезными, как детские переживания на фоне взрослых забот. Это, конечно, было не так, но и артефактов инопланетян там тоже не было, как и личного самолета, работающего на преобразовании энергии материи, ускользнувшей от лап черной дыры.

Заметив знакомые места, я заблаговременно сместился в сторону от моря – так самолет было гораздо труднее обнаружить, а над древним городом заметить место его посадки мог разве что случайный турист. Надеюсь, что таких в Саутриме по-прежнему не водится.

Мелькнул знакомый ручей. Я, поначалу решивший положитьсь на скелле, все-таки не выдержал и, заложив широкую дугу над прибрежными зарослями, напоминающими сверху серебристый укроп, вернулся к лесу из гигантских брокколи, рассеченному извилистой трещиной, мерцающей бегущей водой. Торчавшие из-под земли каменными спинами равнодушных великанов округлые скалы предсказуемо оставались на месте, и, когда я с осторожностью посадил свою коротконогую птичку на знакомый валун, гранитная площадка встретила меня сохранившимися колышками, забитыми когда-то мною в расщелины для привязывания самолета.

Мое тайное убежище. Неприметное, в отличие от громады утеса в Облачном крае, и спокойное. Я сбросил сандалии и зашлепал босыми ногами по теплому камню, перескочил на соседний валун, разбрызгал прохладную воду маленькой речки и устремился к небольшому нагромождению камней, прятавшемуся под навесом широких деревьев с почти непроницаемой кроной – старому тайнику.

Внутри все осталось нетронутым – вещи, оставленные мной перед возвращением, ничуть не изменились. Как были ненужными, так ими и остались. Вот только компанию им на этот раз должна была составить весомая сумка с деньгами, которую вряд ли можно было назвать бесполезной, но и таскать с собой такой груз я посчитал небезопасным. Часть денег я, можно сказать, конвертировал, и к сумке добавилась еще одна, наполненная отборной пастилой из чистого

орешка, купленной у Садуха. Надо сказать, что последний этой маленькой привычной контрабанде обрадовался гораздо больше, чем моим обещаниям перспектив покорения далекого архипелага за океаном. Садух – товарищ весьма практичный, и полученная немедленная прибыль, а платил я ему, естественно, с изрядной наценкой, стала гораздо более весомым аргументом к выполнению неохотно взятых им обязательств, чем соблазнение переговорами с неясным исходом. Для меня же эта пастила служила своеобразной страховкой на случай, если моих финансов не хватит на задуманное. Продать ее я всегда успею – тем более что у меня здесь есть партнер, который мне кое-что, как я считал, должен.

Как-то все получилось обыденно и просто – бросил на каменный уступ в расщелине кожаный баул с целым состоянием, зачем-то набросил сверху старую тряпку и выбрался наружу. Все! Можно лететь дальше. Однако магия места меня сразу не отпустила, и я позволил себе не торопясь перекусить бутербродом из подсохших лепешек и вяленого мяса, сидя на теплом камне в тени ничуть не изменившегося старого знакомого – огромного не дерева, накрывшего своим зонтиком, сросшимся с такими же соседями, изгиб речушки и прибрежные камни. Грелись на солнце скалы, прозрачная вода бежала мимо их мокрых оснований к морю, молчал за спиной сумрак таинственного леса, а я жевал надоевшую за время полета еду, запивая ее раствором пастилы из набранной прямо под ногами воды, и думал, что, возможно, это по-

следние мгновения спокойствия и безопасности.

К Саутриму подошел с опаской, со стороны останков древнего города. При ярком свете тропического солнца я обнаружил, что они, на самом деле, протянулись гораздо дальше, чем представлялось в прошлый раз – просто проходы между блоками древних по окраинам густо заросли лесом, скрывавшим масштабы. Я помнил, сколько времени и усилий пришлось потратить раньше, чтобы найти дорогу от выбранной для посадки крыши до прохода между блоками. У меня не было ни малейшего желания в одиночку повторять опыт блуждания по неизведанным тоннелям и ходам древнего города, поэтому, не блистая оригинальностью, я нашел место, где останавливался в последний раз, и бережно посадил самолет на внешне не изменившуюся крышу.

Разгар дня в тропиках. Я выскочил из мгновенно нагретшейся кабины на сухой пыльный бетон. Это принесло мало облегчения – жгучее солнце тут же вцепилось в мою лысину, как раздраженная псина в штанину незнакомца. Надо было срочно перебазироваться под защиту перекрытий, и следующие полчаса я потратил на спешную переноску моих пожитков на этаж ниже. Когда в знакомом углу выросла немаленькая куча из ящиков и мешков – бедный самолет вынужден был все это таскать, я уже взмок и выдохся. Спрятаться от палящего солнца под капюшоном оказалось невозможным, ведь для этого пришлось бы нацепить парадный халат. Да и сам капюшон не годился для условий юга – я с тоской вспом-

нил подобие сомбреро, которое таскал здесь раньше. Где оно теперь? Осталось за океаном? Или было выкинуто за ненужностью и ветхостью? Как бы там ни было, первая цель определилась – мне нужна шляпа! Я усмехнулся – первоначальные планы такого не предусматривали. Реализация задуманного, как обычно, пошла по непредусмотренному сценарию. Мелочь, конечно, но и знак тоже. Планировщик, блин!

Я аккуратно отобрал то, что могло понадобиться в первой вылазке: труба, планшет, бутылка с водой, немного денег и пастилы, кристаллы, трость для них же, еще несчетное количество мелочей. Как результат – рюкзак за спиной ощутимым грузом прочно прилип к взмокшей спине.

Со всеми предосторожностями нырнул в знакомый проход и немного спустя выдохнул с облегчением – намеренно или нет, но в толще блоков древнего города отличная вентиляция дарила прохладу и свежий воздух – по крайней мере, в главных тоннелях. Дорогу я отлично помнил, путь вниз не составлял больших трудов, был пустынен, и я расслабился – казалось, что в сердце уснувшего города уже ничего никогда не изменится. Эта предсказуемость, скорее всего кажущаяся, дарила ощущение безопасности.

Широкая щель между блоками ослепила солнцем и захрустела бетонным крошечным под сандалиями. Немного изгибающаяся дорога вывела на знакомый перекресток, потом еще один. Справа оставался проход, который мы никогда не использовали, так как он выходил к береговому лесу немного

дальше от нового города, но в этот раз я соблазнился удачно накрывшей его тенью и, обогнув кучу мусора, нырнул в расщелину, чтобы через несколько шагов вздрогнуть от неожиданности и замереть, когда мне навстречу из небольшой дыры сбоку выскочил невысокий темнокожий парнишка. Тот испугался не меньше меня, очевидно, не ожидая встречи, замер и оглянулся назад. Уже придя в себя после неожиданности, я кивнул ему и двинулся было дальше, когда слышался шум, и вслед за незнакомцем из той же дыры выскочила компания трех парней постарше. Они выбирались по одному, озирались и замирали, уставившись мне во след. Никакого желания общаться не было, и я зашагал дальше, изредка оглядываясь. В спине свербело от взглядов, уши ловили негромкие голоса, раздался шум, как если бы из неприметной дыры вылез еще кто-то, и меня окликнул резкий голос:

– Эй! Лысый!

Не обернуться было нельзя – других лысых тут точно не было. Боже! Да тут целая демонстрация – пятеро, среди которых выделялся появившийся последним парень постарше, лет тридцати, если мерить возраст земными годами. Я остановился, вглядываясь. Ну, скажите на милость, что могли делать столько молодых мужчин – пусть один из них и выглядит слишком молодо, в этих пустынных развалинах? Вряд ли просто гуляли – не тот возраст, не подростки. Такие гуляют всегда с целью – конкретной или общей, как разведка, например.

Прямо хрестоматийный сюжет! Не хватало только просьбы закурить. Так как табака на Мау не знали, да и, вообще, не изобрели обычая вдыхать дым, знакомого по земной жизни и кино вопроса не последовало, но сути это не изменило.

– Заблудился, что ли? – миролюбиво спросил старший и кивнул своим приятелям, после чего те не спеша двинулись в мою сторону. Впрочем, красивого выхода не получилось – виной тому были кучи обломков, жавшиеся к стенам расщелины, от чего незнакомцы были вынуждены держаться извилистого прохода.

Я молчал, чертыхаясь про себя. Надо же вляпаться там, где и людей то не бывает. Рука нащупала в кармане шарик с кристаллом, я вытащил его и посмотрел на знакомые бороздки – сода. Непроизвольно пожал плечами – какая разница? Отведя в сторону источника руку, бережно провернул шарик в пальцах. Нет времени на трость, а она нужна – без нее тень от источника слишком резкая, слишком отчетливая и оттого болезненная. Непроизвольно поморщился, привыкая к заполняющему тело жару.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.